

О тонком и толстом в русском песенном фольклоре

© М.А. БОБУНОВА,

доктор филологических наук

В статье представлены синтагматические связи эпитетов *тонкий* и *толстый* в разных жанрах русского песенного фольклора. Выявляются общефольклорные, межжанровые и специфически жанровые атрибутивные конструкции.

Ключевые слова: язык фольклора, жанровая дифференциация, эпитет.

Одной из характерных черт фольклорного текста являются эпитеты, с помощью которых отражаются значимые особенности предметов и явлений. «Стремление художественного определения передать наиболее существенное, типичное качество реалии или понятия приводит к возникновению так называемых постоянных эпитетов, языковые конструкции с которыми являют собой характерный слой фольклорных фразеологизмов» [1], например: *добрый молодец, ясные очи, шелковая трава, лазоревый цветок, чистое поле* и др. Наряду с постоянными эпитетами, которые устойчиво сочетаются с тем или иным определяемым словом, в устно-поэтическом произведении используются и другие прилагательные, значительная часть которых имеет широкую валентность. К их числу принадлежит эпитет *тонкий*.

Что же представляется тонким в русском песенном фольклоре? Чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к текстам необрядовых лирических песен, записанных в XIX веке и опубликованных в своде «Великорусские народные песни» [2]. Поскольку язык фольклора жанрово дифференцирован, мы также рассмотрели былины [3] и материалы двух генетически близких жанров – исторических песен [4; 5; 6] и баллад [7], испытывавших воздействие как со стороны эпоса, так и со стороны лирической поэзии.

Тотальный анализ необрядовой лирики десяти губерний, представляющих разные регионы России (Север, Юг, Поволжье, Урал и Сибирь), позволил составить словарь, включающий не только простые по структуре лексемы (*тонкий, тоненький, тонешенький*), но и композиты разного вида (*тоненький-тонкий, тонко-синий, истонка-высокий* и *тонко-звонко*). Подобные наименования, которым свойственна семантическая и структурная целостность, характерны и для других фольклорных жанров: былины – *тонкольяный*, баллады – *тонко-беленький*, исторические песни – *бел-тонкой* и *тонко-звонко*.

Многозначное прилагательное *тонкий* в песенном фольклоре чаще всего используется в прямом значении «небольшой в поперечном сечении, противоп. толстый» или с его оттенком «сделанный из нетолстого, неплотного материала» [8]. Еще один оттенок значения «не густой, прозрачный (о тумане, дыме и т.п.)» проявляется лишь в исторических песнях XVIII века и балладах:

Огонек горит маленький.
Дымок валит тоненький [5. № 267].

Другие значения – «худощавый, худой, узкий в кости (о человеке, его фигуре, частях тела)» и «высокий (о звуках, голосе)» [8]: «Испроговорит Михайла самым тонким женским голосом» [3. Т. I. № 38];

Его маменька родима
Да вдоль по бережку ходила,
Да тонким голосом кричала... [7. № 195].

Анализ контекстов показал, что прилагательные *тонкий* и *тоненький* используются для определения существительных разных тематических групп: «Одежда. Ткань. Столовое белье», «Растительный мир», «Животный мир», «Природные явления», «Человек», «Разные предметы» и др. Характерными для всех фольклорных жанров являются сочетания с наименованиями первой группы. Особенно разнообразен перечень определяемых существительных (приводим в алфавитном порядке) в лирической и исторической песнях. Ср.: необрядовая лирика – *балахон, платок, полотенце, полотно рубашка / рубашечка / рубашиночка, рукав, сорочечка, сукно, чулочки*; историческая песня – *кружева, кушачок*,

полотенце, полотно, рубашка / рубашечка, саван, скатерть, сосямчик «Ласк. Зипун» [9. Вып. 39. С. 227], сорочка; былины – платьице, полотнище, полотно / полотнышко, рубашка / рубашечка, рукавич / рукавичек, чулочки / чулочки; баллады – бурочка, рубашечка, чулочки:

Он в шубе, не в кафтане,
В тонком белом балахоне [2. Т. VI. № 61];

Приоденусь я, младенец, своей тонкой бурочкой,
В голова-то положу с-под седла подушечку [7. № 17].

Однако только одна атрибутивная пара *тонкая рубашка* претендует на статус общеклассической конструкции. Тонкий – это универсальная качественная характеристика наиболее распространенного вида мужской и женской одежды.

Он по городу шипёхонько похаживает,
В одной тоненькой рубашечке
Да в нанковом халате нараспашечку [4. № 273].

Заметим, что прилагательные *тонкий* и *тоненький* часто включаются в атрибутивные цепочки с другими определениями, обычно называющими материал изделия (*батистовый, кисейный, китайчатый, льняной, полотняный*):

На школьнике рубашка
Тонка, бела полотняна [2. Т. III. № 261];

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечается: «Полотно – конечный продукт тканья, символизирует дорогу, путь, в том числе жизненный путь человека. Одновременно является и начальным продуктом для изготовления одежды, полотенец, скатертей, простыней, в связи с чем полотно иногда функционально сближается с полотенцем, платком, покрывалом» [10. С. 150]. Поскольку символика и обрядовые функции полотна и полотенца в русской культуре аналогичны, неудивительно, что называющие их существительные оказываются синонимами, что подтверждают следующие примеры:

Умываемся, братцы, ранней утренней росой,
Утираемся, братцы, тонким белым полотенцем... [4. № 306];

Умывается Добрынюшка белешенько.
Утирался в тонко бело полотно [3. Т. I. № 26];

На школьнике рубашка тонкаго полотенца [2. Т. V. № 533].

Полотно использовалось и в родинном, и в похоронном обрядах как символ дороги на «этот» или «тот» свет. Его «клали в гроб, заворачивали в него умершего, покрывали им гроб сверху, выстилали дорогу» [10. С. 151]. Указанный мотив прослеживается в былинах, а также в лирических и в исторических песнях:

Лучше родила б, моя матушка,
Серым горячим камешком,
Завертела во тонко полотеньшко,
Ставала на гору высокую,
Размахала Добрыню – в море бросила [3. Т. III. № 206];

Положите мое тело
Во гробницу дубову,
Вы накройте мое тело
Белым тонким полотном [6. № 320].

Если группа «Разные предметы» в анализируемых фольклорных жанрах богато представлена атрибутивными парами с прилагательными *тонкий* и *тоненький* (правда, разными в текстах разных жанров), то группа «Человек» разнообразием не отличается. *Тонкая* – это одна из характеристик возможной невесты или девки-полонянки.

Выбирал я, батюшка, невесту себе –
Тонку, долгу, белу, румяну! [2. Т. III. № 288];

Как было во третьем-то стружочке –
Везут паньюшке гостинцы:
С Руси русскую девку полонянку,
Тоненьку, долгоньку, высоконьку... [7. № 1].

Такие конструкции зафиксированы исключительно в лирических песнях и балладах. О межжанровых соответствиях говорят и другие тематические группы. Так, в необрядовой лирике и балладах прилагательное *тонкий* используется для характеристики наименований группы «Растительный мир» (баллада – *береза, былинушка, деревце*; лирическая песня – *береза, лен, листочек*), а в былинах и исторических песнях – «Животный мир» (былина – *горносталюшка*; историческая песня – *горносталь, горностальчик*):

– Вылазь-ка ты, девушка, из-под тонкого деревца,
Из-под калинушки, из-под малинушки! [7. № 247];

На той тонкой на березе сидел сиз голубчик... [2. Т. V. № 632].

В языке фольклора отражаются характерные черты разных растений и животных. Например, в лирических песнях при описании льна внима-

ние акцентируется на высоком и тонком стебле растения, которое сеют на волокно.

Сею, вею, завечаю:
Уродися, мой белый лен,
Тонок, долог, высоконе! [2. Т. II. № 637].

Анализируемые прилагательные редко используются для характеристики частей тела. Нами выявлена лишь одна былина «Ставер», записанная от сказителя Чукова из Кижей, где тонкими представляются женские пальцы (*перецки* «пальцы, персты») [9. Вып. 26. С. 220]).

А в лирической песне Казанской губернии *тонкие ноги* – это элемент изображения собаки:

По бережку-бережочку собачка бежала,
Ноги тонки, бока звонки, а хвост закорючкой [2. Т. IV. № 286].

Таким образом, даже несмотря на межжанровое соответствие в выборе конкретной тематической группы определяемого существительного, нельзя говорить о полной тождественности языкового материала.

О жанровой специфике может говорить и актуализация атрибутивной пары в пределах того или иного жанра. Так, сочетание *тонкий парус*, зафиксированное нами и в балладах, и в лирике, наиболее характерно для языка исторических песен, где непроизводное существительное и диминутив используются исключительно в форме множественного числа.

Зачернелися на Волге
Легки дубовы стружочки,
Забелелися на Волге
Тонки белы парусочки [4. № 296].

То же можно сказать об атрибутивной паре *тонкие чулочки / чулочки*, которая используется в эпическом тексте, поскольку входит в состав устойчивого фольклорного фрагмента, основой которого является ассоциативная конструкция: *в (одной) тонкой / тоненькой рубашке / рубашечке без пояса; в (одних) тонких / тоненьких чулочках / чулочиках без чоботов*.

Многочисленные примеры подтверждают, что прилагательное *тонкий* в разных фольклорных жанрах часто соседствует с оценочным эпитетом *белый* (*тонкая белая рубашка, тонкие белые чулочки, тонкий белый шатер, тонкие белые паруса, тонкое белое полотно, тонкое белое полотенце, тонкий беленький рукавчик, тонко беленькое платьице, тонкий белый балахон, тоненький белый платок, бел тонкой саван, тонкая белая береза, белый тонкий лен, тонкий белый горностааль, тонкие белы поездочки, тонка бела невеста*), что, вероятно, способствует

появлению у этого определения дополнительного смысла – положительной оценки.

Иная картина наблюдается при анализе антонимичного прилагательного *толстый* – низкочастотного наименования с узкой сочетаемостью. Единичное в текстах баллад, оно используется для характеристики *простины* «простой холст» [9. Вып. 32. С. 242]:

Васильюшку крутили в толевую во парчу,
Солфеюшку крутили во толстую простину [7. № 105].

В необрядовой лирике низкочастотные эпитеты *толстый* и *толстенький* зафиксированы нами только в песнях, записанных в Архангельской и Вологодской губерниях, а также в Сибири. Однако здесь прослеживается территориальная дифференциация атрибутивных сочетаний. В текстах Русского Севера эта положительная характеристика отмечена во фрагменте описания женского персонажа, а в песне Сибири прилагательное указывает на толщину рубашки:

Шла девушка хороша:
Без белил она бела,
Без румян румяна,
Что без платьца толста,
Без подносу высока [2. Т. IV. № 411];

Зипунишка коротенький,
Рубашоночка во перст толста,
Штанишки из того ж холста [Там же. № 714].

В исторических песнях более высокая частотность прилагательного *толстый* обусловлена использованием атрибутивной пары *толстая шея* в устойчивом фрагменте ответа российского графа Захара Григорьевича Чернышева (или князя Семена Романовича Пожарского) шведскому королю (или прусскому королю, турецкому хану, крымскому царю и др.) на призыв служить ему верой-правдою:

Как возговорит российский граф
Чернышев Захар Григорьевич:
«Как была бы востра сабелька,
Послужил бы верой-правдою
Над твоей бы шеей толстою,
Над твоей буйной головошкой!» [5. № 342].

В разных песнях находим варианты одной и той же конструкции: *послужить на шее толстой; послужить над головой, над шеей толстою; послужить верой-правдою над шеей толстою, над башкой басурманскою* и др. Кроме того, в исторических песнях зафиксировано и два

сложных слова: *толстобрюхий* (в сочетании с существительными *бояре* и *татары*) и *толстосум* (*купчики-толстосумы*).

Сложный эпитет *толстобрюхий* встретился нам и в финале одной былины в сочетании с существительным *бабенки*. В целом, в онежском эпосе атрибутивные пары с прилагательным *толстый* немногочисленны.

Да ён бьет-то коня по толстым ребрам,
Да ен сам говорит таковы слова... [З. Т. П. № 102].

Таким образом, анализ одной пары слов, связанных в русском литературном языке антонимическими отношениями, но не противопоставленных в песенном фольклоре, позволяет говорить и о семантической структуре каждого наименования, и о словообразовательном потенциале прилагательных, и о широте их синтагматических связей. Привлечение к исследованию материалов разных жанров подтверждает мысль о том, что язык фольклора жанрово дифференцирован. Различия наблюдаются даже в пределах одного жанра, если он тематически или сюжетно разнообразен, записан на разных территориях или от разных сказителей. Тем не менее, нами выявлены и общеславянские элементы, и межжанровые соответствия, что подтверждает идею определенной гибкости границ между жанрами, особенно переходными.

Полагаем, что расширение источниковой базы позволит скорректировать сделанные нами выводы и выявить новые факты в пользу жанрового и внутрижанрового сходства и различия языка русского фольклора. Поскольку тексты записывались в разных регионах России, в качестве перспективы дальнейшего исследования видится обнаружение территориально ограниченных сочетаний. Перспективным представляется и выявление национального своеобразия эпитетов путем привлечения к контрастивному анализу материалов народно-песенной традиции разных этносов.

Литература

1. Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж, 1981. С. 39.
2. Великорусские народные песни. В 7 т. / Изд. проф. А.И. Соболевским. СПб., 1895–1902.
3. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. В 3 т. 2-е изд. СПб., 1894–1900.
4. Исторические песни XVII века. М.–Л., 1966.
5. Исторические песни XVIII века. Л., 1971.
6. Исторические песни XIX века. Л., 1973.
7. Баллады / Сост., подгот. текстов и коммент. Б.П. Кирдана. М., 2001.

8. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 4. С. 380.
9. Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–2012. Вып. 1–45.
10. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. М., 2009. Т. 4.

*Курский государственный
педагогический университет*
